

РОВНОЕ ГОРЕНИЕ

Кемеровская газета
— 1998. — 11 апр. — с. 7

Гастроли Мариинского театра: «Хованщина» Мусоргского и гала-концерт

Вадим Журавлев

ДВА ВЕЧЕРА подряд Валерий Гергиев превращал радость от общения с желанным театром в тяжелую, каторжную работу и для себя, и для зрителей. Представления заканчивались только к полуночи, поэтому до конца досиживали только фэны Гергиева (чтобы наплодироваться властью) и музыкальные критики (по обязанности). В эти дни особенно остро ощущалась нехватка в Мариинском театре второго дирижера, который смог бы достойно заменить главного идеолога театра. «Хованщина» была посвящена памяти Булата Минжилкиева, киргизского баса, последние годы отдавшего возрождению славы Мариинки. Слушая дежурные слова, произносимые композитором Александром Чайковским, я невольно вспоминал штампы советской эпохи, когда про всех музыкантов любили говорить и писать, что они «сгорели в театре».

Тяжелый труд Валерия Гергиева на этих гастролях как раз можно описать теми же словами. Усталость дирижера, все время теряющего контроль над происходящим на сцене, ощущалась каждую минуту, оркестр колыбался, как пламя свечи на ветру, и больше всего не хватало в эти два вечера ровного горения. Часто казалось, что сейчас все войдет в привычное для победительного мастера русло и оркестр зазвучит, если не великолепно, то качественно. Увы, радоваться на этих гастрольных мероприятиях пока приходилось мало.

«Хованщина» в послевоенной постановке Леонида Баратова и Федора Федоровского одаривает зал всеми прелестями совоквого реализма. Кривые перспективы, скособоченный Блаженный, неровные потолки в горницах, кремлевские стены нависокос, что свидетельствует о плохом вкусе дирекции, которая, наставив Вагнера и Прокофьева, так и не нашла в себе силы обновить столь важный для любого театра спектакль. И все бы ничего, если бы музыкальная часть не была под стать сценическому оформлению. Оркестровка Шостаковича требует большого напряжения и умения подать этот трудный для певцов музыкальный материал. «Масленое», удобрённое «медью» и ударными звучание оркестра гораздо больше подходило для оркестровки Римского-Корсакова, которая Гергиеву, видимо, ближе. Но табуированная в Европе, она бы не позволила театру вывезти ее на престижных и так нужные для

Лучший спектакль гастролей — «Летучий голландец» Вагнера: Евгений Акимов (Рулевой) и Геннадий Безубенков (Даланд).
Фото ИТАР-ТАСС

выживания гастролей. Удачные моменты, когда оркестр был сбалансированным и не вступал в борьбу с солистами и хором, можно было пересчитать по пальцам. Музыкальная и логическая нить все время ускользала, превращая спектакль в полную занудных длинот «обязаловку». Два исполнителя главных партий — Владимир Огновенко (Хованский) и Лариса Дядькова (Марфа) были знакомы московской публике по спектаклю Большого театра, где они пели премьеру. Тогда театральная работа Огновенко казалась почти идеальной, но в этот раз стало понятно: рисунок роли для талантливого певца давно превратился в сценический штамп с широко расставленными ногами и свободными движениями рук. Не в голосе была и горячо мной любимая Дядькова, которая начала песню Марфы из второго акта так плохо, что стало не по себе. Центральный образ Досифея (эту партию пел Михаил Квят) оказался бесцветным по всем параметрам. На фоне своих коллег явно выделялся Николай Путьинин (Шакловитый): роскошный вокал подкреплялся великолепной актерской работой. Конечно, целостность и мастерство солистов Мариинки дают им фору перед зеленым молодежью того же Большого театра, но как часто они работают вот так, на «автопилоте», это интересный вопрос. К тому же Мариинке явно не хватает ярких лидеров, которые могли бы подтя-

нуть весь спектакль. На Гергиева в этом вопросе надежды мало — ему бы с оркестром разобраться.

На следующий день маститых солистов потеснила молодежь. Гала-концерт превратился в эксперимент на выживание: Гергиев превратил его в трехактное действие (один из актов продолжался 2 часа!), явно пытаясь выяснить, есть ли предел возможностей собственных и зрительного зала. Неумолимо заставляла его порубить для гала-концерта чуть ли не весь непоказанный в Москве репертуар театра, сблорив его желанием солистов спеть что-нибудь шлягерное. Первое, французское, отделение оказалось самым провальным, чему немало способствовало выступление тенора Юрия Марусина. Спеть им с Анной Нетребко дуэт Хозе и Микаэлы, а также ария Хозе из «Кармен» (как и партия Андрея Хованского накануне) ставили прямой вопрос: а слышит ли Гергиев, что Марусин уже давно не может петь. Вежливо отправивший в свое время на пенсию весь балет театра, он так и не смог расстаться ни с Марусиным, ни с тенором Константином Плужниковым, который, продекламировав арию Индийского гостя из «Садко», выдал непонятный и не имеющий отношения к нотам звук. Просто неудобно за театр, который претендует на лидирующие роли в мире, за таких исполнителей. Поражений и у молодежи, и у мастеров было в этот вечер больше, чем побед. Второе, русское,

действие несколько примирило с происходящим — сцена из третьего акта «Китежа» Римского-Корсакова (опять из-за Путьинина, спевшего Федора Поярка) и, особенно блистательно, полное художественных откровений исполнение партии Любви (в дуэте из «Мазепы») Ларисой Дядьковой заставили вспомнить о высоком уровне работ Мариинки тех времен, когда Гергиев уделял ей больше внимания. Здесь же, как и в следующей, итальянской, части лучше всех выглядел набирающий силу баритон Василий Герелло, который без всяких скидок, мастерски спел арию Веденецкого гостя, Макбета и Фигаро, а также дуэт из «Силы судьбы» Верди вместе с Гегамом Григоряном. Но печальнее всего было слышать в оркестре одни тромбоны и тарелки (ударникам Мариинского театра нужно просто пропеть гимн), нелогичные и путающие откровенной работой на «автопилоте» темпы Гергиева в увертюре к «Кармен», «Ракоци-марше» из «Осуждения Фауста» Берлиоза, Половешки плясках Бородина, в финале второго акта из «Аиды» Верди. Без его дирижерской поддержки и у певцов многое получалось хуже. Впереди еще три спектакля, но уже сейчас ясно, что на гастролях Мариинского театра в Москве нас не ждут сплошные триумфы. Правда, это никак не отражается на публике, которая приходит в восторг от одного вида прославленного мастера.